Вестник
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 6 — 1968

Д. Е. ФУРМАН

БОРЬБА ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА С КОРРУПЦИЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

IV в. — эпоха разложения рабовладельческого способа производства в Римской империи — ознаменован колоссальным ростом бюрократического аппарата. Этот процесс был тесно связан с другими сторонами кризиса античной социально-политической системы — натурализацией хозяйства, разорением слоя средних землевладельцев, ростом армии.

Основы позднеримской бюрократической системы были заложены реформами Диоклетиана и Константина I, время правления которых принято считать началом нового периода римской истории — периода «Поздней империи». Но очень скоро становится ясно, что бюрократия, которая была призвана скрепить распадающееся общество, становится истинным социальным бедствием. Отсутствие четкого разграничения функций отдельных ведомств, громоздкость и запутанность государственного аппарата порождали страшную волокиту и делали его в целом мало эффективным. Особенно большим злом была коррупция государственного аппарата, которая в IV в. достигает необычайных размеров. Целые провинции разоряются от притеснений и незаконных поборов правителей [1]. Проявления коррупции входят в обычай и как бы узаконивается. Чиновник, не наживающийся на отправлении своей должности,— редкое исключение [2]. Должности открыто продаются и покупаются, причем подобного рода сделки признаются имеющими юридическую силу [3].

Естественно, что это вызывало недовольство различных слоев общества. Жалобы а засилье и произвол бюрократии раздаются со всех сторон, в том числе и от представителей господствующего класса. Неэффективность и коррупция государственного аппарата беспокоят и самих императоров. Попытки улучшить работу аппарата занимают все более и более видное место в деятельности правительства.

Борьбе с коррупцией особенно много внимания уделено в законодательной деятельности императора Юлиана (361—363 гг.). Объясняется это тем, что ко времени его правления уже ярко раскрылись пороки созданной в начале IV в. бюрократической системы, а также особенностями характера и мировоззрения самого императора. Для Юлиана характерны большой ригоризм, требовательность к себе и другим и возвышенное представление о долге правителя [4].

Цезарь Юлиан про свою борьбу с произволом галльских чиновников писал: «Ведь мне кажется постыдным осуждать военных трибунов, когда они оставляют строй, хотя в то время им и грозит гибель, а самому оставить строй, защищающий этих людей,

---

[1] См., например, Аммиан Марцеллин, XXVIII, 6; XXX, 5 (4—11).

[2] См., A H M J o n e s. The Late Roman Empire. Oxford, 1964, p. 400.

[3] A H M J o n e s. Ук. соч., p. 391 и далее.

[4] «...если даже правитель по своей природе и человек, в своем поведении он должен быть богом или полубогом, и должен полностью очистить свою душу от всего тленного и животного...» (Ю л и а н. Письмо к Фемистию — философу. 259-А). «На мой взгляд, истинное царствование выше человеческих сил и царь должен иметь природу, близкую к божественной» (Ук. соч. 260-С).

когда нужно бороться с этими грабителями. И к тому же бог борется вместе с нами, так что он и поставил нас в этот строй» [5].

Какие же средства борьбы с коррупцией использовал император? Наиболее радикальной мерой была чистка центрального аппарата — комитата. То, что Юлиан ополчился против пороков комитата с особой силой объясняется рядом причин.

1) Злоупотребления чиновников комитата были весьма велики, причем в силу их близости к императорской власти они приобретали специфические формы. Играя на подозрительности императоров, чиновники изощрялись в розыске и реальных, и потенциальных, и вымышленных заговоров и наживались за счет конфискованного имущества осужденных по их доносам лиц [6]. Поэтому, коррупция комитата была заметнее, чувствительнее, чем коррупция местных властей.

2) Юлиан имел личные счеты с кликой придворных его предшественника Констанция II, погубившей его брата Галла [7] и стремившейся погубить и его самого [8]. Первоначально ряд видных чиновников комитата Констанция II были осуждены по приговорам организованного Юлианом Халкидонского трибунала, а затем была произведена чистка и реорганизация всего комитата.

3) Большое число должностей комитата было связано с удовлетворением личных потребностей императора (повара, брадобреи и т. д.). Это противоречило аскетическому настроению Юлиана—философа-неоплатоника [9] и характерному для Юлиана внешнему демократизму, связанному с преклонением перед древними формами жизни [10].

От чистки комитата пострадали разные категории придворных и прежде всего персонал sacri palatii — личные слуги императора — евнухи, цирюльники, виночерпии и др. Большая часть этих лиц фактически были рантье и исполнение ими придворных должностей было лишь фиктивным. Аммиан рассказывает о такой сцене, непосредственно предшествовавшей увольнению, из которой хорошо видны стимулы, побудившие Юлиана к этому шагу: «Случилось в те дни (вскоре после прибытия Юлиана в Константинополь.— *Д. Ф.*), что Юлиан приказал позвать брадобрея подстричь ему волосы. К нему вошел какой-то нарядно одетый господин. Увидев его, Юлиан изумился и сказал: «Я велел позвать не придворного кассира, а брадобрея». На вопрос императора о том, какое вознаграждение он получает за свое ремесло, последовал ответ: по двадцати рационов хлеба ежедневно, столько же рационов фуража для лошадей — так называемых capita, значительный годичный оклад, а кроме того, много богатых подачек. Обратив на это внимание, Юлиан отпустил в отставку всех людей этой категории, а также поваров и других подобных, обычно получавших такое же вознаграждение, как людей мало ему нужных и разрешил им идти куда хотят» [11]. Резкому сокращению подверглось при Юлиане и число императорских телохранителей — protectores-domestici, среди которых, очевидно, также было много лиц, купивших назначения и отправлявших свои должности фиктивно [12]. Чистке при Юлиане подверглись не только придворные должности, которые не были связаны с настоящей работой, но и две категории чиновников, чьи функции были не только реальны, но и довольно важны.

Во-первых, это нотарии, секретари консистории — должность, возникшая при Константине I [13]. Хотя глава нотариев — primicerius notariorum был довольно видным чиновником, оформлявшим все назначения в военном и административном аппарате, но рядовые нотарии вначале — чин очень незначительный и обычно ими были люди низкого происхождения.

Очевидно, именно это и близость нотариев к особе императора и вызвали резкое усиление их значения при Констанции II, который доверял им важные и ответственные поручения [14]. Карьера нотариев зависела исключительно от того, насколько они сумеют продемонстрировать свою преданность императору, поэтому они отличались особой

---

[5] Юлиан Ер. 14 (Орибасию). (По нумерации, принятой в издании Juliani imperatoris epistulae leges poematia fragmenta varia. Ed. I. Bidez et. F. Cumont. Paris, 1922.)

[6] См. Аммиан, XXII, 4 (1—5); Либаний, Or. XVIII, 130—141; Юлиан, Ер. 53.

[7] Аммиан, XIV, 1 (10); Юлиан, «Письмо к афинянам», 272.

[8] Аммиан, XIV, 11 (67—8), XVII, I; Мамертин, 4; Юлиан, Ер. 33.

[9] См. Либаний, Or. XVIII, 171, 179; Аммиан, XVI, 5 (3—5); Юлиан, «Мисопогон», 338-С; Мамертин, 13.

[10] См., например, Аммиан, XXII, 7 (1 и 3).

[11] Аммиан, XXII, 4 (9—10). (Аммиан Марцеллин. История, пер. Ю. А. Кулаковского, вып. II. Киев, 1907, стр. 104). Об увольнении придворных слуг сообщают также Сократ, III, I и Либаний, Or. XVIII, 130. Либаний одобряет эту меру Юлиана, как и все прочие его мероприятия, но Сократ видит здесь умаление императорского достоинства, а Аммиан, XXII, 4 (1—2) — безжалостный поступок, недостойный истинного философа.

[12] Codex Theodosianus (C. Th), VI, 24 (I) Юлиан оставил лишь 200 доместиков, по 50 на 4 scholae.

[13] См. A H M Jones. Ук. соч., p. 103.

[14] A H M Jones. Ук. соч., pp. 127—128.

ретивостью в открытии действительных и вымышленных преступлений и заговоров. Естественно, нотарии, создававшие свое положение в обществе и состояние доносами, были ненавистны всей верхушке римского общества [15].

Другой категорией чиновников, близкой по характеру к нотариям и также подвергшейся при Юлиане резкому сокращению, были так называемые «агенты» — agentes in rebus. Значение этих чиновников было еще больше, чем нотариев. Agentes in rebus возникают, очевидно, также при Константине, выполняя первоначально функции курьеров и подчиняясь magister officiorum [16]. Но очень скоро их первоначальные функции, как и у нотариев, и, очевидно, по тем же причинам, что и у нотариев, отходят на второй план и agentes превращаются в нечто среднее между тайной полицией и государственным контролем. Из них назначаются curiosi — инспекторы государственной почты — cursus publicus [17] и principes officiorum — начальники канцелярий всех видных чиновников, которые, однако, подчиняются не этим чиновникам, а своему начальнику — magister officiorum, что дает им возможность контролировать деятельность различных учреждений. Резкое сокращение числа чиновников этих категорий весьма знаменательно. Их выдвижение было, безусловно, закономерно и связано с необходимостью контроля над аппаратом со стороны правительства. Естественно также, что для этого избирается наименее аристократическая категория чиновников, которая ставится до некоторой степени вне аппарата и над аппаратом. Но именно эта категория чиновников оказывается наиболее подверженной коррупции, ибо, если все прочие чиновники контролируются agentes или друг другом, сами agentes — вне контроля. Имена agentes и нотариев становятся синонимами вымогателей. Чистку agentes произвел уже сам Констанций II [18], при котором они приобретают наибольшую силу, а Юлиан, как и в ряде других случаев, продолжает политику своего предшественника, но идет значительно дальше него, сокращая число agentes и нотариев до минимума [19]. Этим Юлиан фактически отказывается от какого-либо органа контроля над аппаратом, что накладывает отпечаток на все его прочие антикоррупционные мероприятия.

Какие же методы борьбы с коррупцией использовал Юлиан, отказавшись от организации системы контроля?

Первый путь — это традиционный путь угроз наказаниями. Юлиан грозит большими штрафами правителям провинций — президам и их канцеляриям за задержку ответов на запросы императора [20] и задержку своевременно поданных апелляций [21]. В первом случае Юлиан борется не столько с коррупцией, сколько с обычной волокитой, причем здесь угроза штрафа могла оказаться эффективной — император знал, когда он отправил запрос, и всегда мог проконтролировать работу президов лично.

Сложнее обстоит дело с задержкой апелляций. Несомненно, такие задержки были не только из-за обычной волокиты, но и из-за покровительства президов или кого-либо в их officium'е лицу, выигравшему процесс в суде президa. Могла ли в этом случае быть эффективной угроза штрафа? Сам Юлиан выражает уверенность в магическом действии своего указа. Он запрещает принимать апелляции, поданные после срока, даже если задержка объясняется апеллирующим давлением на него президa. Мотивировка Юлиана очень любопытна — во время его правления, заявляет он, судей, которые мешали бы подавать апелляции, быть не может [22]. Но скорее всего верить здесь Юлиану нельзя, и его утверждение — плод наивной иллюзии самодержавного правителя, полагающего, что для достижения какой-либо цели ему достаточно издать соответствующее постановление. Ведь оштрафовать за задержку апелляции было довольно сложно. Апеллирующий должен был добраться до высшей инстанции и дока-

[15] См. Либаний, Or. XVIII, 131—4, 149, 158; Or. XII, 10, 51; Or. II, 44.

[16] См. A H M Jones. Ук. соч., p. 103.

[17] См. A H M Jones. Ук. соч., pp. 57—59, 128—129.

[18] C. Th., I, 9 (1).

[19] Если верить Либанию, Юлиан оставил лишь 4 нотариев и 17 agentes in rebus. Эта мера Юлиана не была поддержана последующими правительствами и, опять-таки, если верить Либанию, при Феодосии I было уже 520 нотариев и 10 000 agentes (Либаний, Or. II, 5).

[20] C. Th., XI, 30 (31).

[21] C. Th., XI, 30 (29). В обоих случаях Юлиан устанавливает тридцатидневный срок, в котором материалы по подаваемому на апелляцию делу и реляция комитату должны быть переданы курьеру, причем день, в который документы отправлены, должен соответствующим образом отмечаться. Штраф за задержку апелляции — 10 фунтов золота officium'у; за задержку реляции — 10 фунтов золота президу и 20 — officium'у. То что караются штрафом не только и даже не столько президы, сколько их officii, указывает на громадную роль низших чиновников в ведении дел. Для поздней империи характерно, что президами и викариями часто были совершенно неподготовленные люди и сроки их службы были очень малы. Поэтому значение опытных клерков их канцелярий было весьма велико.

[22] C. Th., XI, 30 (30): «...nobis enim moderantibus rem publicam nullum audebit judex provocationis perfugium denegare».

зать, что он подал аппеляцию в срок, а президее задержал. У презида, если только аппелирующий не очень влиятельный человек, всегда могли найтись пути не дать хода такой жалобе. Да и даты на документах, по которым можно было проверять, когда послана аппеляция, ставились в том же officium'е презида.

Другой способ контроля, примененный Юлианом, заключался в следующем. Фискальные чиновники — numerarii должны были согласно его узаконению после 5 лет службы на один год удаляться от должности, специально для того, чтобы в это время на них могли подавать жалобы и их деятельность расследовалась, ибо, как сказано в указе Юлиана, легче подвергать обвинениям человека, живущего частной жизнью[23]. Более того, чтобы получить возможность подвергать их пыткам, они исключались из числа militiae[24].

Одновременно Юлиан стремится пробудить у нумерариев «заинтересованность в честности» — нумерарий, работа которого была признана безукоризненной, получает титул perfectissimus'а — «совершеннейшего»[25].

Но основным методом Юлиана в борьбе с коррупцией были не такого рода мероприятия, а попытки ограничить вообще роль бюрократии в системе государственного управления. Некоторые функции бюрократии он сосредоточивает в своих руках, некоторые передает городскому самоуправлению — куриям.

Рассмотрим и те и другие меры Юлиана.

Для Юлиана характерно стремление охватить самому все стороны государственного управления. Отчасти это стремление связано с его характером, с его нервной, бьющей через край энергией[26]. Но есть и другая причина — в централизации, сосредоточении различных функций в своих руках Юлиан видит средство борьбы с коррупцией. К сосредоточению в своих руках функций, принадлежащих ранее местному аппарату, Юлиан прибегает в трех случаях: в назначении дополнительного обложения (superindictiones), в прощении недоимок (indulgentiae) и в выдаче evectiones — разрешений на право пользования cursus publicus.

Естественно, что наибольшие злоупотребления были при сборе налогов и особенно в сложном процессе взимания натуральных налогов префектурой претория.

Бюджет префектуры претория составлялся более или менее на глазок и не мог учитывать все могущие возникнуть местные расходы и непредвиденные нужды[27]. До Констанция II правом назначать superindictiones обладали и президы, и викарии, и префекты. Это, естественно, приводило к тому, что правительство теряло контроль над бюджетом. Очевидно, наряду с superindictiones, которые действительно шли на покрытие непредвиденных расходов, были и такие, которые покрывали разного рода махинации чиновников. Уже Констанций запрещает дополнительное обложение по приказу президов и викариев[28], а Юлиан вообще запрещает какие бы то ни было superindictiones без своего ведома[29].

Наряду с дополнительным обложением Юлиан сосредоточивает в своих руках и прощение недоимок — indulgentiae. Прощение недоимок также было связано с коррупцией. В результате взяточничества чиновников получалось так, что недоимки скапливались не только у тех, кто беднее всех, но и у тех, кто был всех богаче. Эти лица предпочитали дать взятку, чтобы не платить налогов в расчете на то, что когда за провинцией скопится громадная сумма недоимок, местные власти их простят.

Итак, для того чтобы избежать злоупотреблений чиновников, Юлиан полностью сосредоточивает бюджет в своих руках, но это было отступлением от его прежних более строгих принципов.

Идеалом Юлиана был совершенно жесткий бюджет. И именно такие принципы он пытался провести в жизнь еще до своего прихода к власти, когда был цезарем в Галлии[30]. Подобная радикально-ригористическая логика очень характерна для Юлиана — если изменения в бюджете связаны со злоупотреблениями, то пусть не будет вообще никаких изменениий. Каждый платит что положено — ничего лишнего не требуется, но зато ничего и не прощается. Применение такой максимально негибкой системы в масштабах всей империи было практически невозможно. Префектура претория была не в состоянии учесть все местные нужды, а требовать платежа недоимок часто означало разорение провинции.

---

[23] C. Th., VIII, 1 (6): «...ut ad incusantium iurgia facilis est adpetitu vita privata».

[24] C. Th., VIII, 1 (7). Этим эдиктом подтверждается, что numerarii — conditionales, т. е. не находящиеся на государственной службе (что не давало возможности применять к ним пытки), но вольнонаемные.

[25] См. A H M Jones. Ук. соч., p. 515. Perfectissimus — высший всадический ранг.

[26] Юлиан сам выступает как судья первой инстанции (Либаний, Or. XVIII, 182; Аммиан, XXII, 10).

[27] См. A H M Jones. Ук. соч., p. 451.

[28] C. Th., XI, 16 (7 и 8).

[29] C. Th., XI, 16 (10).

[30] Аммиан, XVI, 5 (14, 15).

Поэтому перед лицом необходимости Юлиан отступает. Став императором, он уже не запрещает принципиально любые изменения в бюджете, а лишь изменения без его санкции. Сам же он в ряде случаев идет на прощение недоимок [31].

Быстрой реакции на местные нужды при такой системе, когда для каждой superindictio нужно было списываться с императором, все равно быть не могло, но все же подобная система была несколько менее жесткой. Но одновременно она уже не гарантировала от коррупции, ибо, прощая недоимки Фракии или Африке, Юлиан не мог проследить, нет ли в числе задолжавших провинциалов наряду с действительно не могущими выплатить налогов бедняками и давших взятку богачей.

Системы, принятой Юлианом, придерживались и последующие императоры, но, очевидно, она вызывала противодействие местных властей и на практике не всегда соблюдалась. Поэтому Валент и Грациан вновь запрещают вводить дополнительное обложение без санкции императора [32].

Еще в одном вопросе Юлиан идет на полное сосредоточение функций местных властей в своих руках. Это — пользование cursus publicus — системой государственных дорог [33], поддержание которой лежало на плечах провинциального населения, поставлявшего лошадей и мулов, фураж и погонщиков и чинившего дороги. С пользованием cursus publicus были связаны большие злоупотребления. Им пользовались не только чиновники всех рангов по государственной надобности, по личной надобности или вовсе без надобности, но и все их родственники, друзья и знакомые, друзья родственников и родственники друзей, а при Константине I и Констанции II еще и разъезжавшие на свои бесконечные соборы епископы. Поддержание cursus было очень тяжелой обязанностью [34], и Юлиан в ряде законов стремится облегчить ее и прежде всего — пресечь связанные с cursus злоупотребления.

Уже при Констанции II намечается тенденция к централизации выдачи evectiones — разрешений на право пользования cursus. Это право отнимается у президов провинций [35]. Юлиан же законом от 12/II 362 г. полностью сосредоточивает выдачу evectiones в своих руках и в руках префектов претория. Викарии отныне могли выдавать лишь 10—12 evectiones в год, подписанных рукой императора, а президы — лишь 2 evectiones, подписанных префектами, и одну — императором [36].

Это, разумеется, ограничивало возможность злоупотреблений, но стесняло инициативу местных органов и усложняло работу государственного аппарата. Очевидно, к Юлиану посыпались жалобы на сложность нового порядка. Поэтому уже через 4 месяца, 20/VI Юлиан разрешает выдачу evectiones на поездки с фискальными целями и викариям и даже президам [37]. Правда, Юлиан не отказывается от борьбы со злоупотреблениями cursus; 9/IX он издает указ, запрещающий требовать количество лошадей больше, чем указано в evectio [38], а 26/X — указ, запрещающий использовать cursus в целях перевоза мрамора для частных построек [39]. Но, безусловно, эти меры уже не могли так радикально пресечь злоупотребления как полное запрещение президам выдавать evectiones и представляли собой еще одно отступление Юлиана в борьбе с коррупцией. Необходимо отметить, что даже полное сосредоточение выдачи evectiones в руках императора не означало бы обязательно полного прекращения злоупотреблений cursus. Во-первых, Юлиан, запрещая другим пользоваться cursus в личных целях, сам очень свободно выдает разрешения на это своим друзьям — «философам» [40]. Во-вторых, Юлиану приходилось, очевидно, подписывать громадное количество evectiones, между тем, в Поздней Римской империи императорская подпись в связи с чрезмерной централизацией превращалась в пустую формальность, императоры часто совершенно не представляли, что они подписывали [41]. Поэтому полная централизация выдачи evectiones при всем ее неудобстве все-таки не могла быть гарантией от злоупотреблений.

Наряду с сосредоточением в своих руках функций, выполнявшихся ранее чиновниками, Юлиан с той же самой целью — избежать коррупции передает одну важную функцию аппарата местному самоуправлению — куриям. Как уже говорилось выше,

---

[31] Юлиан прощает недоимки Антиохии («Мисопогон», 365-B), Фракии (Ер. 73), Африке (C. Th., XI, 28 (1)).

[32] C. Th., XI, 16 (11); XI, 6 (1).

[33] См. A H M Jones. Ук. соч., pp. 830—834.

[34] См. Аммиан, XXI, 16 (18); Либаний, Or. XVIII, 143.

[35] C. Th., VIII, 5 (8, 9).

[36] C. Th., VIII, 5 (10). При Констанции II правом выдачи evectiones пользовался также magister officiorum. Очевидно, он также был лишен этого права (см. W. Enßlin. Kaiser Julians Gesetzgebungswerk und Reichsverwaltung. «Klio», 1922, SS. 136—137).

[37] C. Th., VIII, 5 (13).

[38] C. Th., VIII, 5 (14).

[39] C. Th., VIII, 5 (15).

[40] Ер. 26 (Максиму), 32 (Василию), 34 (Евстафию), 41 (Евстохию), 46 (Аэцию).

[41] A H M Jones. Ук. соч., pp. 410, 605.

особенно много злоупотреблений было связано со сложным процессом сбора натуральных налогов. Одним из источников злоупотреблений было то, что чиновники могли заменять натуральные поставки денежными платежами, исходя из цен рынка. Иногда это было совершенно необходимо, ибо перевозки продуктов из одного конца империи в другой были дороги и сложны, а поставляемые продукты можно было закупить и там, где они потреблялись. Возможность злоупотреблений при такой системе заключалась в том, что когда натуральные поставки заменялись платежами, исходили из максимально высоких рыночных цен, а затем продукты закупались по принудительной и по возможности самой низкой цене. Разница (*interpretium*) клалась в карман [42].

С этой системой Юлиан столкнулся еще будучи цезарем в Галлии, где, вступив в конфликт с префектом претория Флоренцием, он взял под свою ответственность сбор налогов в одной из провинций — Бельгике Второй, полностью передал сбор налогов в ней куриям и даже запретил вступать на ее территорию чиновникам префекта [43]. Если верить Аммиану, результат был магический — все налоги были внесены даже досрочно. Достигнуто это было, как мы видим, крайне экстравагантным способом — запрещением чиновникам префекта вступать на территорию Бельгики. Этим как бы признавалось, что уследить за злоупотреблениями чиновников в процессе сбора налогов нельзя и единственный способ избавиться от злоупотреблений — это избавиться от самих чиновников.

Став императором, Юлиан распространяет эту систему на всю территорию империи. Чиновникам префекта и викария запрещается вмешиваться в процесс сбора налогов [44]. Тенденция этого закона — максимально освободить куриалов от опеки и контроля и передоверить им сбор налогов.

Эта система продержалась очень недолго. Уже Валентиниан I полностью отстраняет от сбора налогов куриалов [45]. Было бы наивно думать, что Валентиниан покровительствует коррупции. Очевидно, объясняется такой поворот в политике тем, что система Юлиана, оправдавшая себя в Бельгике Второй, оказалась непригодной в масштабах всей империи.

В Бельгике Второй ситуация была исключительная — цезарь лично контролирует сбор налогов. При распространении такой системы на всю империю контроль над куриалами — сборщиками налогов, естественно, ослабевал. Между тем положение сборщика-куриала принципиально отлично от положения сборщика-чиновника. Чиновник, как бы он не грабил налогоплательщиков, все-таки заинтересован в том, чтобы фиск не потерпел убытков, ибо от этого зависит его карьера, расположение или нерасположение к нему его начальства. Его положение таково, что его личный интерес совпадает с интересом фиска. Положение сборщика-куриала совершенно иное. Фиск остается для него в известном смысле антагонистом, ибо налоги падают и на него, и он же отвечает материально перед фиском за их сбор. Поэтому куриал, в отличие от чиновника, делал все возможное, чтобы как-то обмануть фиск, недодать продуктов, дать продукты низшего качества и т. д. Очевидно, это различие положений и интересов куриала и чиновника в скором времени сказалось неблагоприятно на интересах фиска, и именно это побудило Валентиниана резко изменить политику.

Таким образом, и в этом случае Юлиан в своей борьбе с коррупцией приходит к тому, что для уничтожения злоупотреблений, связанных с каким-либо институтом или функцией аппарата, он, не выходя, впрочем, нигде за рамки чисто бюрократической системы, или вообще ликвидирует институт, или отнимает у чиновников определенную сферу деятельности. При этом нормальная работа аппарата нарушается и правительство вынуждено отступать и возвращаться к менее ригористическим методам, причем вновь открывается путь злоупотреблениям. Только в этом случае отступает и отказывается от наиболее ригористических мер не сам Юлиан, а его преемник Валентиниан. Коррупция оказывается имманентно присущей бюрократическому аппарату поздней империи и борьба с ней, когда остаются незыблемыми основы социально-политического строя,— безнадежной. Поэтому неудивительно, что Юлиан в ряде случаев, сознавая свое бессилие положить конец наиболее общим явлениям коррупции, проявляет поразительную при его ригоризме снисходительность.

---

[42] Эта система подробно проанализирована в книге S. Mazzarino. Aspetti sociali del quarto secolo. Roma, 1952, p. 184 и далее.

[43] Аммиан, XVII, 3 (6).

[44] C. Th., I, 16 (5). Эта же тенденция видна и в C. Th., XIV, 4 (3). Законом регулировалась поставка свинины в Рим. Если раньше она осуществлялась чиновниками префекта города и подчиненной ему корпорацией suarii, то теперь она полностью передоверяется куриям и президам провинций. Принадлежность C. Th., XIV, 4 (3) Юлиану спорна. Надписан он временем Иовиана, но обозначен временем правления Юлиана. I. Bidez и F. Cumont (Ук. соч., p. 286), причисляют его к законам Иовиана, W. Enßlin (Ук. соч., S. 171) приписывает Юлиану. Во всяком случае, этот закон полностью в русле юлиановской политики.

[45] C. Th., XIV, 4 (3).

Такую снисходительность он проявляет по отношению к распространенной в то время системе suffragium'a. Система эта заключалась в следующем. Формально все назначения в государственном аппарате производил император. Но он практически не был в состоянии сам подбирать все кадры чиновников и лишь подписывал назначения, предлагаемые начальниками различных ведомств комитата или членами местной администрации. При этом предлагающие кандидатов на должности — suffragatores занимались бойкой торговлей назначениями[46]. Легко представить себе последствия системы, при которой чиновник смотрит на свое назначение как на помещение капитала. Без ликвидации этой системы никакая настоящая борьба с коррупцией была невозможна.

Между тем именно здесь Юлиан крайне снисходителен. Единственное, что он делает,— это запрещает судам рассматривать все претензии, возникающие в результате такого рода сделок, ссылаясь на старое римское право — «...quia leges romanae huiusmodi contractus penitus ignorant — ибо римские законы такого рода сделок совершенно не знают». Ясно, что такой закон не мог прекратить продажу должностей и, очевидно, даже и не ставил такой цели. Единственным его следствием могло быть лишь то, что такие сделки становились более рискованными для покупателя[47].

Такую же позицию занимает Юлиан по отношению к системе sportulae — взяток, сопровождавших любое действие чиновника. Даже для сдачи налога нужно было платить sportulae. Еще Константин энергично осуждает и запрещает эту систему[48], а Юлиан уже только ограничивает размеры sportulae, которые должны были платить доставляющие собранные натуральные налоги дуксам — командующим пограничными войсками[49]. Он понимает, что бороться с этой системой правительство не в состоянии и стремится лишь ограничить ее.

Еще в одном случае Юлиан проявляет свидетельствующую о беспомощности мягкость. Аммиан рассказывает, что во время пребывания Юлиана в Константинополе туда явилось множество египтян с претензиями к разным чиновникам, которым они давали взятки за освобождение от налогов. Юлиан велел им переправиться в Халкидон, куда обещал вскоре приехать и разобрать их претензии, но обманул — и сам в Халкидон не поехал и запретил перевозить египтян обратно. Юлиану даже не пришло в голову покарать взяточников[50].

Из всего изложенного можно сделать следующие выводы.

1. В антикоррупционных мероприятиях Юлиана усматривается определенная закономерность. Юлиан стремится к принятию радикальных мер против злоупотреблений чиновников. Так как зарождавшаяся система контроля с самого начала оказалась неэффективной и была уничтожена Юлианом, он приходит к такой политике, при которой для пресечения коррупции, связанной с каким-либо институтом или функцией государственного аппарата, институт вообще ликвидируется, а выполнение данной функции изымается у чиновника (передается или самому императору или куриям). Антикоррупционные меры Юлиана никогда не выходили за пределы чисто бюрократической системы, однако они заходили настолько далеко, что нарушали нормальный ход работы государственного аппарата. Это заставляло самого Юлиана или его преемников отказываться от наиболее ригористических мер.

2. Юлиан в своих антикоррупционных мероприятиях доходит до логического конца — до наиболее радикальных мер, возможных при сохранении основ позднеримской бюрократической системы. Поэтому неудача антикоррупционных мер Юлиана говорит, скорее всего, о принципиальной невозможности положить конец коррупции в условиях позднеримской социально-политической системы.

3. Неудача Юлиана в борьбе с коррупцией еще раз указывает на тот факт, что позднеримский государственный аппарат из орудия императорской власти превратился в мощную силу, резко ограничивавшую формально всесильную власть императора.

---

[46] См. A H M Jones. Ук. соч., pp. 391—396.
[47] C. Th., II, 29 (1).
[48] C. Th., I, 16 (7).
[49] C. Th., VIII (IV).
[50] Аммиан, XXII, 6.